

Арсения ВЕЛИКАЯ

УТОПЛЕННИКИ

РАССКАЗ

В конце концов, элегантная защитная каска подчеркивает значимость и вызывает уважение к ситуации. Действительно же, никто не станет носить каску просто так. От нечего делать. Даже если она освежающего цвета красного цвета и изящных овальных форм. Мне всегда шла моя каска, как воинственный шлем Афине или как чалма Шамаханской царицы. Вообще, общеизвестно, что крупный головной убор всегда придает величественный и гордый вид.

Недаром мелкие и кривоногие наездники-кавалеристы любили высокие шапки-папахи. Они носили их как символ своей отваги и удали... Но это уже другая песня.

Каску, вообще-то, я носила, повинуясь правилам техники безопасности, всего полгода. Окончив университет, я (мечтавшая о тонко интеллектуальных материях) неожиданно оказалась на заводе. О производстве я до этого почти ничего не знала (не считая коротких экскурсий в цех), и шум, загазованность, неумываемость мужских лиц, а также их отношение к жизни меня несколько озадачили.

Потом оказалось, что по территории завода можно ходить только в каске. Моя заводская действительность проходила, как в тумане. Она слабо напоминала мне знакомую реальность своим смутно протекающим временем и непредсказуемыми непонятностями. Особенно если углубиться в суть вопроса и разобраться, чем же мы занимались на заводе.

Дело в том, что наш цех из месяца в месяц выполнял план исключительно на утопленниках. Да еще если взять в расчет, что эту нашу увесистую продукцию везли за тысячи километров в Сибирь и там топили в болотах, нормальной эту деятельность нельзя было назвать даже с большой натяжкой.

Просто наш цех был недавно запущен в строй, и технологи никак не могли добиться хоть какого-то качества продукции. Чугунные изделия выходили с воздушными раковинами, прожилками других сплавов и уродливыми окалинами. Окарины эти были похожи на вытекшую из формы аппетитную корочку хлеба, которую всегда хочется отломить и съесть. Здесь же эти

"корочки" обрезали отбойными молотками, от работы которых в цеху стоял оглушительный рев, а рабочие от вибрации через два-три года переходили из оброчки на другой участок.

Для начала, чтобы хоть как-то научиться работать на плавильных печах, руководство и решило делать первую продукцию конструктивно несложной, а именно такой, чтобы ее не жалко было топить в болотах, гатя основу для железнодорожной магистрали... Надо сказать, как ни старались все в цеху, работая в три смены, из любых моделей у нас получались все те же утопленники, и увольняясь с завода, я так ни разу и не видела у нас какой-никакой приличной отливки.

Как ни мучилась моя подруга Сусанна — хорошенькая умненькая девушка-технолог, колдуя над формовочными смесями, проверяя песочную массу то на ощупь, то на запах, — результат был один: утопленники.

Она иногда чуть не плача спрашивала рабочего Сеню Ковалева поменять что-то в составе, но тот, страшно недовольный, вечно говорил, что это глупости, или у него перекур, или чтобы она шла себе с Богом и не пугалась под ногами. При этом он всегда любил повторять, что жаль, что он не выучился, — а то бы все у него знали, где раки зимуют.

Сусанна хлопала огромными притрушенными песком ресницами и молча уходила прочь.

За Сусанной все время бегала в такой же каске женщина-лаборант. Она брала в цеху формовочную смесь, потом в маленьких металлических формочках лепила из нее что-то наподобие детских "пасочек". Затем она измеряла по часам, как они сохнут, или разбивала их на столе. Лаборантка была исполнительна, жила в соседнем селе, но была несколько туповата. Она никак не могла запомнить Сусанно имя и называла ее почему-то Хризантемой.

Сеня Ковалев всегда любил поучать техперсонал. Со знанием дела он авторитетно говорил, почему то или это не надо делать: включать, подавать или разгружать. Он заранее всегда знал, что все это зря, не так и плохо кончат-

ся. Вдогонку он нам с Сусанной говорил, что "ходить тут всякие плоскодонки, ничего не понимают в деле", вот жаль только, что он не выучился, а то бы показал тогда, как надо руководить.

Сусанна, вздохнув однажды на выходе из цеха, тихо произнесла: "Господи, спасибо Тебе за то, что ты не выучил Сеню Ковалева".

Вообще-то, вследствие того, что цех был недавно запущен в строй, в нем работало много молодых специалистов. Спецодежда у всех была новой, красные каски отливали на свету гламурным глянецом, а роботы с высокими стоячими отворотами смахивали на защитный камуфляж. Такая экипировка позволяла прятать все недостатки фигуры, быть защищенной от непредвиденностей, выглядеть ярко и по-цеховому уместно.

Руководил нами пожилым инженер Вседипролет Михайлович. Он был старым литейщиком, переживал, если случались неудачи, и воспитывал молодое поколение. Надо сказать, что Вседипролет было его настоящее имя, а не художественная выдумка, как Сквозник-Дмухановский у Гоголя или Крытов-Рынков у Ильфа. Дело в том, что его родители были старые большевики и называли его в честь Всемирной Диктатуры Пролетариата Вседипролетом. Менять имя или как-то корректировать его на привычный лад ему казалось не с руки. Так он и оставался всю жизнь единственным на Земле Вседипролетом.

У нас почему-то во все времена хотели придать именам детей исторический пафос. Вот Сусанна по прихоти своего отца тоже звалась Сусанной Ивановой в честь такого же печально известного, как и диктатура, Ивана Сусанина.

Сеня Ковалев, не углубляясь в тонкости идеологии, называл инженера просто Вертолет.

Однажды мы с Сусанной, продефилировав по цеху, уже собирались пить чай, как на пути нам встретился все тот же вездесущий Вседипролет Михайлович. Он, вздохнув, сказал, что у него к нам как к итээровцам важнейшее задание. Проследить, чтобы Сеня Ковалев заложил стеклоблоками окно в подсобке. Стекло из рамы уже

вытащили, а оставлять комнату с прорехой в стене было нельзя. "Я ему выписал наряд, деньги он получит дополнительно, вам же задание проследить, чтобы окно было сегодня заложено хоть на уровень поднятой руки".

Поднятая вверх рука была, конечно, не ахти какой высотой, учитывая, что перекрытие между этажами в цеху составляло более шести метров. Тогда с заводов выносилось все и вся (особенно с мясозаводов), и высота поднятой вверх руки была смешной для любого уважающего себя человека. Так что, приказание руководителя было чистой проформой, да и завод у нас был литейный. А не мясной.

Мы приняли приказ к сведению и весь день слонялись за Сеней, а он, как солнечный зайчик, от нас тихо ускользал. На наши просьбы хоть приступить к работе он, наподобие Тристана из "Собаки на сене", повторял: "Счас, счас, момент, все будет в ажуре", — и вновь куда-то линял с друзьями.

Вообще, в цеху наряду с порядочными рабочими всегда были и люди типа Сени, если можно так выразиться, "других взглядов". Они озабоченно передвигались по территории завода в серых мятых спецовках. Ходили они очень шустро, ссутулившись и стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. По их виду сразу можно было определить, что этот сосредоточенный человек или ищет, в всякий случай, что плохо лежит, или спешит доделывать очередную "халтуру", а может, разрабатывает в уме сложную операцию по транспортровке тяжелой, мнуня заводскую проходную.

На неожиданную встречу с начальством и его тяжелый вопрос, чего-де он болтается по территории завода без дела, у подчиненных такого рода всегда была заготовлена страстная ответная речь. Она часто произносилась с чувством обиды и справедливости: как не дают рабочему человеку работать, как чего-то всегда не хватает, какой везде бардак и маленькая зарплата. Начальник, матерясь внутри себя, раздраженно шествовал дальше, уже жалея о том, что задел д...

После обеда Сеня наконец выложил три ряда блоков и на гневный взгляд инженера он верноподобно обещал: "Вертолет Михайлович, я ж сказал, что сделаю, — значит, сделаю".

Вседипролет Михайлович, осмотревшись по сторонам, уткнулся в нас тяжелым взглядом и мрачно произнес: "Так, красавицы, не уходите домой, пока Сеня не выложит положенный уровень". И ушел.

Мы обреченно вздохнули. Сеня опять куда-то намылвился. Лаборантка, сложив свои "пасочки", тихо спросила: "Хризантема Ивановна, ну что, я ужожу?..." — и стала собираться.

Мы с Сусанной остались одни в надвигающихся сумерках. Наверху уже заступала вторая смена, нехотя включаясь в работу. Там меж лязгом машин слышались то смех, то крики. О работе пока еще ничего не напоминало.

На душе было тоскливо и голодно. Самое главное — мы не знали, когда и чем это все закончится... Мы молча сидели в тишине, как вдруг раздался оглушительный взрыв... Все затрясло, на нас что-то повалилось сверху. Спасло нас только то, что огромное окно в подсобке не было закрыто. Ударная волна вырвалась через него на волю, не разрушив тут все и вся.

Впоследствии оказалось, что взорвался газ, скопившийся после неправильной выгрузки печи. Когда в лабораторию, находящуюся внизу, бросили по специальному вертикальному желобу пробу (небольшую чугунную отливку), она, пролетев с высоты шести метров, ударила об ограничитель и вызвала искру. Скопившиеся газы взорвались, снес пол лаборатории.

Словно в замедленном кино, мы с Сусанной, открыв перепуганные глаза, наблюдали, как по наклонной плоскости обвалившейся балки перекрытия сползали вниз один за другим утопленники, грузно наваливаясь друг на друга. Их фиолетово-сизо-черный отблеск свидетельствовал о чем-то страшном и роковом. Казалось, что они, не дождавшись утопления в болотах, уже сейчас двигаются в направлении преисподней.

— Утт-это, блин, рвануло! — присвистнул неизвестно откуда материализовавшийся Сеня Ковалев. Он недоверчиво вглядывался прищуренными глазами в утопающее в пыли и чаду чрево подсобки, как будто это было логово Змея Горыныча.

Дым, гарь и остатки гремучих газов, казалось, возбуждали его яркое воображение и интригующие предчувствия.

— Утт-это кому-то скоро не повезет... — медленно, нараспев, мрачно предвещал он.

Мы с Сусанной, обалдев, протирали глаза и стряхивали пыль, когда в подсобку ворвался ошалевший Вседипролет Михайлович. Остатки халатов, тапочек и листы из популярных журналов феерично опускались из поднебесья на пол. Оглушенные, мы ничего не слышали, а он со слезами на глазах обнимал нас и что-то говорил, говорил... глядя наши изуродованные каски...

Евгений ВОЛОКИН

ЗИМА В ОДЕССЕ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЗИМА...

